

М. М. Соколов

Памяти ленинградской школы социологии массовой культуры

Михаил Михайлович Соколов — кандидат социологических наук, профессор факультета социологии ЕУ СПб. **Адрес:** Санкт-Петербург, Гагаринская ул., д. 6/1, А. **Электронная почта:** msokolov@eu.spb.ru.

Аннотация: В статье описаны исследовательские программы советской социологии культуры, представлены результаты деятельности рабочей группы «Социология и театр», а также долгосрочного мониторинга культурной жизни Петербурга, реализованного М. Е. Илле. Несмотря на то что противостояние высокой и массовых культур перестаёт быть актуальным в научном дискурсе, многие наблюдения советской социологии культуры заслуживают внимания.

Ключевые слова: социология культуры, Б. М. Фирсов, М. Е. Илле, высокая культура, массовая культура, история советской социологии.

Для цитирования: Соколов, М. М. Памяти ленинградской школы социологии массовой культуры // Пути России. 2024. Т. 2. № 3. С. 179–185.

Этот короткий текст задумывался как рецензия на две недавно вышедшие книги по социологии культуры¹. К несчастью, печальные известия, пришедшие за то время, что она писалась, — авторы обеих, Михаил Евгеньевич Илле и Борис Максимович Фирсов, скончались — неизбежно придают ей характер некролога, посвящённого тому направлению в социологии культуры, которые оба они представляли.

История советской социологии культуры может служить наглядным примером, опровергающим существование прогресса в социологии. Современные критики несправедливо упрекают её за атеретичность [Kurakin, 2017]. В советской социологии культуры — как и в советской социологии в целом — была теория и, более того, даже несколько конкурирующих исследовательских программ.

Одна из них была основана на официальной идеологии советского общества, содержавшей несколько весьма определённых предсказаний по поводу его будущего развития. Барьеры между социальными категориями: работниками физического и умственного труда, тружениками города и деревни — должны были размываться, социальная мобильность между ними — возрастать, различия в образе жизни — нивелироваться, и все они должны были становиться знатоками и ценителями традиционной европейской высокой культуры. Задачей советских социологов, изучающих данную тему, было получать всё новые доказательства того, что эта картина в основном верна, попутно вскрывая отдельные недостатки и предлагая пути их устранения. Сегодня основной посыл таких исследований (проводившихся, например, М. Н. Руткевичем) выглядит некоторым курьёзом, поскольку мы все задним числом знаем, чем закончилось неуклонное движение СССР к коммунизму.

Однако большинство советских социологов, не отличавшихся идейностью Руткевича, стихийно тяготели к другой исследовательской программе, которая в итоге явно взяла верх. Они развивали советскую версию теории массовой культуры, с тревогой ожидая, когда настоящее искусство, убитое телевидением и духом всеобщего равенства, окончательно скроется под наносами китча. Некоторые — как Б. М. Фирсов, занимавшийся телевидением и испытывавший к нему явную пристрастность — были чуть более оптимистичны, другие — как Б. А. Грушин — менее. Однако все были согласны, что угрозы настоящей высокой культуре в современных обществах (не исключая обществ государственного социализма) должны быть основной темой её социологического изучения.

¹ По обе стороны рампы: Театральная жизнь Ленинграда (1980–1989) / ред.-сост., вступ. ст., примеч.: Б. М. Фирсов, Н. В. Печёрская. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2023. — 332 с.; Илле, М. Е. Социология культуры и искусства. Статьи разных лет. СПб.: Норма, 2021. — 266 с.

Возвращаясь к теме прогресса, удивительным образом программа Руткевича (которую критики масскульта, вероятно, считали анахронизмом), глядя из сегодняшнего дня, выглядит гораздо более современно. Теории массовой культуры умерли в западной социологии в 70-х. Причин может быть несколько, но самая очевидная состоит в том, что сама культуриндустрия с её унифицированным и пытающимся угодить всем и по необходимости подстраивающимся под самого невзыскательного зрителя продуктом во многом осталась в прошлом (частичным исключением является только голливудский кинематограф). Так, вместо однообразных шлягеров 50-х пришло время бесконечного множества музыкальных субкультур, каждая со своим языком [Peterson, Berger, 1955]. Высокая культура в этом контексте вместо объекта заботы в глазах следующего поколения социологов сама превратилась в проблему. Неравный доступ к ней, объявил Бурдье — самый влиятельный социолог сегодня, — позволяет высшим классам исключать представителей рабочего класса, и те, кто следовал по его стопам, принялись рисовать таблицы, малоотличимые от тех, которые когда-то рисовал Руткевич, показывая, что культурные барьеры между классами остаются неизблемыми.

Это движение, однако, практически не затронуло советскую и выросшую из неё постсоветскую социологию культуры, которую и представляют обе книги. Обе являются сборниками статей разных лет и обе являются как бы вторым томом других книг. Книга Б. М. Фирсова и Н. В. Печёрской представляет результаты работы семинара «Социология и театр», дополняя публикацию текстов того же семинара, изданную ранее под редакцией Дмитриевского [Театр и публика, 2013]. Книга Илле дополняет более раннюю публикацию сборника его же собственных текстов [Илле, 2008].

Работа группы «Социология и театр» началась в 1973 году благодаря чисто советской истории, которая излагается в предисловии к книге Фирсова и Печерской (с. 7). Вообще говоря, теоретическое послание теории массовой культуры выглядело несколько сомнительно в советском контексте: социалистическим обществам полагалось развиваться, а капиталистическим — деградировать, и никаких параллелей в их развитии наблюдать не могло. Однако наличие некоторых проблем партийные органы не могли не признать: в частности, спектакли с сильным идеологическим зарядом публика игнорировала, предпочитая незамысловатые комедии. Всесоюзному театральному обществу пришлось давать отчет партийному начальству и избежать взыскания они смогли, только пообещав, что проанализируют собственные ошибки и произведут работу над ними. Анализировать ошибки привлекли социологов во главе вначале с В. Н. Дмитриевским (1973–1978), а затем с Б. М. Фирсовым (1978–1989). Партийный выговор стал началом сотрудничества, длившегося 16 лет. Социологи переформулировали проблему, противопоставив спектакли, пред-

ставлявшие «искусство», определяемое по высокому идейному содержанию (не важно, политическому или эстетическому: так что «Человек с ружьем» попал в одну категорию со Стриндбергом), «культуре», этим содержанием не обладавшей и способной только низменно развлекать. Так изучение проблем культуриндустрии получило прописку в советском обществе.

Исследования группы замечательны по широте охвата разных составляющих того, что Говард Беккер назвал *art world* ленинградского театра. Помимо ведомственной статистики и множественных опросов театральных аудиторий (статья О. Б. Божкова), опрашивались актеры (N=450, статья Л. Е. Кесельмана), а также интервьюировались почти поголовно члены художественных советов и главные режиссёры (статьи А. Я. Альтшуллера, Ю. М. Барбоя и Б. М. Фирсова). Кроме того, к большому возмущению самих режиссёров, социологи придумали что-то вроде лампового аналога Rotten Tomatoes и на постоянной основе опрашивали театральных критиков, публикуя свои рейтинги художественной ценности спектаклей и средние баллы по театрам (статья А. Н. Алексеева). В этих текстах есть масса захватывающих наблюдений. Так, сравнивая оценки театральной аудитории, полученные на основании общегородских опросов (с. 26), и оценки, основанные на данных статистики продаж билетов и опросов зрителей (с. 62–64), можно выяснить, что в общегородских опросах респонденты примерно в 2,5 раза завышали частоту своего приобщения к драматическому искусству. Подавляющее большинство актеров в ленинградских театрах получили высшее театральное образование — разительный контраст с большинством других стран, в которых на сцене оказываются люди с самыми разными дипломами, и памятник удивительной склонности советского общества рано сортировать людей по образовательным ячейкам и не давать им оттуда выпрыгнуть. Несмотря на высшее образование, зарплата актёров была чуть ниже, чем в среднем по городу. Наконец, возможно, самое интересное: всплывающие в тексте намеки на те механизмы, которые заставляли режиссёров ориентироваться на «минимальный общий культурный знаменатель» зрителей. Действительно, массовая культура казалась Адорно и его сторонникам неизбежным следствием импорта принципов устройства капиталистической корпорации в область культурного производства. В СССР, однако, не было капитализма. Откуда тогда в нём могла взяться массовая культура? Ответ, видимо, состоит в том, что, хотя ориентации на прибыль и не было, некоторые техники управления, которые ассоциируются сегодня с неолиберализмом, были широко распространены, и, скажем, театры отчитывались заполняемостью зала, что имело совершенно тот же эффект, что и ориентация на максимизацию прибыли (в качестве лекарства Б. З. Докторов в своей статье предлагал присваивать посещению спектаклей культурно зрелыми зрителями больший вес, чем простыми смертными — с. 41).

К сожалению, применительно к этой и другим темам книга пострадала от некоторых характерных особенностей советской социологии, прежде всего — привязанности к опросам как основной исследовательской технике. Даже интервью с главными режиссёрами анализировались примерно так же, как анализировались бы опросы общественного мнения: с подсчётом голосов, отданных за ту или иную позицию. Несмотря на уникальные возможности для этого, авторы вовсе не стремились описать ни работу театров как организаций, ни саму театральную профессию; скажем, хотя центральной темой, постоянно пропускающей в тексте, является конкуренция между театрами за места в иерархии престижа, эта иерархия нигде специально не анализируется.

Работа М. Е. Илле началась в тот момент, когда работа группы «Социология и театр» закончилась — в 1989 году, когда его наняла Консерватория; удивительно, но предметом его первых исследований на новом рабочем месте была рок-музыка. Как и его предшественники, Илле опрашивал критиков с тем, чтобы оценить положение российских рок-групп на шкале «настоящее искусство — масскульт» (самый высокий балл на шкале настоящего искусства заняла «ДДТ»). В 1991 году стартовал, вероятно, самый важный исследовательский проект в его биографии — мониторинг культурной жизни Петербурга. Между 1991 и 2011 годами им было проведено 12 волн общегородских опросов (ещё два — в 2017-м и 2019-м — были проведены при его участии). В результате у нас в руках остался замечательный портрет динамики культурной жизни в эпоху экономического коллапса, свидетельствующий о том, что этот коллапс почти никак на желании приобщаться к высокой культуре не сказался — в отличие от культуры массовой (в 1998 году большее количество людей сообщило о том, что были на концертах музыки академических жанров, чем в кино). Вроде бы эти выводы, как и данные, свидетельствующие, что среди младших когорт ниже всего доля не участвующих в высокой культуре, должны были убедить Илле, что за судьбу искусства можно не беспокоиться. Он, однако, обнаружил, что в старших когортах выше доля театралов и меломанов, посещающих учреждения культуры часто и очень часто — и заключил, что участие молодёжи носит случайный характер и может сойти на нет (ничего подобного, впрочем, за время наблюдений не произошло).

Помимо эмпирических статей в сборник включены несколько его более поздних теоретических работ. В одной из них, носящей бескомпромиссное название «Неравенство как ценность в культуре», Илле, цитируя Ортегу-и-Гассета, возлагает ответственность за упадок общественного вкуса на эгалитаризм и демократию: «Культура без иерархии, без представления о высоком и низком, превращается в унылую пустыню, где человеку не к чему стремиться, не на кого равняться» (с. 80). Смелый автор!

В чём ценность этих исследований сегодня? Возможно, мы доживём до времён, когда уже Бурдые будет выглядеть анахронизмом, а теория массовой культуры — наоборот, переживёт Ренессанс. С позиций сегодняшнего дня, однако, эти данные интересны прежде всего в сравнительном контексте. Тем, кто заботится о судьбах высокой культуры в отечестве, должно быть, интересно узнать, что она чувствует себя значительно лучше в России, чем в большинстве западных стран: общего спада участия не наблюдается и, учитывая, что младшие поколения остаются самыми регулярными потребителями (пусть и не самыми прожорливыми), не предвидится [DiMaggio, Mukhtar, 2004]. Некоторые повсеместно установленные тренды, такие как «культурная всеядность» [Peterson, Kern, 1996] (высшие классы отличаются от низших не столько предпочтением высокой культуры, сколько тем, что они потребляют больше всякой культуры), — также слабо прослеживаются на российском материале или не прослеживаются вовсе (Илле, Соколов, 2018). Причины остаются неясными. Однако благодарностью тех, кто будет ломать над этим голову, всегда пребудет с теми, кто собрал данные, позволяющие нам проследить, как развивалась эта дивергенция.

Литература

1. *Илле, М. Е.* Петербуржцы в театрах, на концертах и выставках. Исследование художественной жизни Санкт-Петербурга конца XX — начала XXI века. СПб.: Норма, 2008.
2. *Илле, М. Е., Соколов, М. М.* Статусная культура во времена экономической трансформации. Потребление высокой культуры в Петербурге, 1991–2011 // Мир России. Социология. Этнология. 2018. Т. 27. № 1. С. 159–182.
3. Театр и публика. Опыт социологического исследования 1960–1970-х годов / отв. ред. В. Н. Дмитриевский. М.: Государственный институт искусствознания; Канон+; РООИ «Реабилитация», 2013.
4. *DiMaggio, P., Mukhtar, T.* Arts Participation as Cultural Capital in the United States, 1982–2002: Signs of Decline? // *Poetics*. 2004. Vol. 32. No. 2. P. 169–194.
5. *Kurakin, D.* The Sociology of Culture in the Soviet Union and Russia: The Missed Turn // *Cultural Sociology*. 2017. Vol. 11. No. 4. P. 394–415.
6. *Peterson, R. A., Berger, D. G.* Cycles in Symbol Production: The Case of Popular Music // *American Sociological Review*. 1975. Vol. 40. No. 2. P. 158–173.
7. *Peterson, R. A., Kern, R. M.* Changing Highbrow Taste: From Snob to Omnivore // *American Sociological Review*. 1996. Vol. 61. No. 1. P. 900–907.

Michael Sokolov

In Memory of the Leningrad School of Sociology of Mass Culture

Mikhail Sokolov — candidate of social sciences, professor EU at St.Petersburg. **Address:** 6/1A, Gagarinskaya St., St. Petersburg. **E-mail:** msokolov@eu.spb.ru.

Abstract: The article describes the research programs of the Soviet sociology of culture, presents the insights of the working group “Sociology and Theater”, as well as longterm monitoring of the cultural life of St. Petersburg, implemented by M. E. Ille. Despite the fact that the confrontation between high and mass cultures ceases to be relevant in scientific discourse, many observations of Soviet culture sociology deserve attention.

Keywords: sociology of culture, B.M. Firsov, M.E. Ille, high culture, mass culture, history of Soviet sociology.

References

1. *DiMaggio, P., Mukhtar, T.* (2004). Arts Participation as Cultural Capital in the United States, 1982–2002: Signs of Decline? *Poetics*. 32(2): 169–194.
2. *Ille, M.E.* (2008). Peterburjci v teatrah, na koncertah i vistavkah. Issledovanie hudojstvennoi jizni Sankt_Peterburga konca XX — nachala XXI veka [Petersburgers in theaters, concerts and exhibitions. A study of the artistic life of St. Petersburg in the late XX — early XXI century]. St. Petersburg: Norma. (In Russ.)
3. *Ille, M.E., Sokolov, M.M.* (2018). Statusnaya kultura vo vremena ekonomicheskoj transformacii. Potreblenie visokoi kulturi v Peterburge, 1991–2011 [Status culture in times of economic transformation. Consumption of high culture in St. Petersburg, 1991–2011]. *Mir Rossii. Sociologiya. Etnologiya*. [The world of Russia. *Sociology. Ethnology*], 27(1): 159–182. (In Russ.)
4. *Kurakin, D.* (2017). The Sociology of Culture in the Soviet Union and Russia: The Missed Turn. *Cultural Sociology*. 11(4): 394–415.
5. *Peterson, R.A., Berger, D.G.* (1975). Cycles in Symbol Production: The Case of Popular Music // *American Sociological Review*. 40(2): 158–173.
6. *Peterson, R.A., Kern, R.M.* (1996). Changing Highbrow Taste: From Snob to Omnivore. *American Sociological Review*. 61(1): 900–907.
7. *Teatr i publika. Opit sociologicheskogo issledovaniya 1960–1970-h godov* [The theater and the audience. The experience of sociological research in the 1960s and 1970s] (2013) / Ed. Dmitrievskiy, V.N.M.: State Institute of Art Studies, Kanon+, ROOI Rehabilitation. (In Russ.)